

DOI 10.25991/VRHGA.2023.4.4.014

УДК 1(091)

*А. А. Сеницын**

КУБОК СМЕРТИ СОКРАТА: ОБРАЗ ФИЛОСОФА В СТИХОТВОРЕНИИ П. Ф. ЯКУБОВИЧА «СОКРАТ»**

*Памяти однокурсника, соратника и друга
Дмитрия Евгеньевича Луконина (1972–2013)*

В статье представлен анализ стихотворения Петра Филипповича Якубовича «Сократ», где присутствуют реминисценции диалогов Платона и сочинений Ксенофонта. В 1886 г. в Петропавловской тюрьме молодой поэт сочинил стихотворение, в котором изобразил последние минуты жизни и смерть древнегреческого философа, принявшего чашу с ядом цикуты. Автор статьи отмечает, что в поэзии писателя-народовольца П. Ф. Якубовича часто звучит тема чаши/кубка: «страдания чаша», «отравленная чаша», «Пусть общая чаша отравит меня», «горькая чаша позора», «кубок смерти», «Разбей свой кубок недопитый», «страшный яд цикуты» и проч. Данный образ зачастую связан с мотивами жертвенности и смерти. Эта тема присутствует и в рассматриваемом стихотворении «Сократ». Образ кубка смерти Сократа аналогичен кресту Господню, а афинского мыслителя художники и философы часто представляли христианином до Христа, первым праведником. Однако в «Сократе» П. Ф. Якубовича иной мотив: революционер-народоволец изображает философа стойким и непримиримым борцом за свободу, противостоящим государственной власти, которая осудила его на казнь. Сократ здесь является примером верности служения идеалам. Стихотворение П. Ф. Якубо-

* Сеницын Александр Александрович, кандидат исторических наук, доцент, Русская христианская гуманитарная академия им. Ф. М. Достоевского; aa.sinizin@mail.ru

** Данная статья подготовлена на основе доклада, прочитанного на заседании семинара «Боги, люди и миры в прошлом и настоящем–XVII», который проходил в рамках ежегодной конференции «Бог. Человек. Мир» (С.-Петербург, РХГА, 21–23 декабря 2023 г.). Это заседание мы посвятили памяти саратовского историка, искусствоведа и поэта Д. Е. Луконина (см. о нем: [43]). Автор статьи признателен сотруднику РХГА Р. Н. Дёмину и другим участникам дискуссии по докладу о «русском Сократе» П. Ф. Якубовича. За помощь литературой благодарю главного библиотекаря Научной библиотеки им. М. Горького Санкт-Петербургского государственного университета, к. и. н. М. А. Морозова.

вича построено как диалог между Сократом и его товарищем. Приговоренный к смерти афинский философ отказывается от побега из тюрьмы, подготовленного его друзьями и учениками, и идет на смерть во имя тех идей, которым он служил. Философ знает, что его учение переживет века. Испугаться смерти, оказаться «обманщиком малодушным» и предать то, чему служил всю жизнь, — это было бы предательством самого служения. Только «к смерти гордое презренье» может доказать и утвердить истинность убеждений, «честный пыл учений». Платоновский Сократ не презирает смерть, напротив, в последние часы жизни он признается, будто рад тому, что излечился от жизни как от болезни (этому посвящен диалог «Федон», в котором приговоренный философ успокаивает собравшихся друзей и учеников, приводит четыре доказательства бессмертия души, Plato *Phaedo* 70c-108c). Но у П. Ф. Якубовича Сократ — революционер, подлинный герой, страдающий за свои идеи. Русский поэт отступает от основного источника (Платона), устраняя в речах философа мотивы смирения и покорности, он акцентирует внимание на непреклонной воле Сократа-борца. Тема побега отсылает к диалогу Платона «Критон». Но у древнегреческого писателя Сократ отказывается от бегства, ссылаясь на уважение к закону и покорность решению большинства своих сограждан на суде («согласие города»). В представлении русского поэта, осуждение героя-мудреца Сократа, подлинного борца, служившего идеалам справедливости, являлось несправедливым, поэтому, согласно принципу правды, как полагал П. Ф. Якубович, смерть философа является «беззаконной». Пафос якубовичевского «Сократа»: ни при каких обстоятельствах борец не смеет отступать в последнем бою, он должен спокойно принять «кубок смерти», выдержать испытание мольбами близких людей и при этом «не дрогнуть сердцем». Поскольку он принимает смерть ради тех, кто в будущем станут равняться на него. В «гордом презренье» к смерти — залог победы и вечной жизни героя. Главная тема этого стихотворения Петра Якубовича — хранить спокойствие и в смертный час оставаться непреклонным.

Ключевые слова: русская поэзия XIX в., П. Ф. Якубович, философ, Сократ, Платон, Ксенофонт, Архелай, Критий, Критон, тюремная поэзия, диалог, кубок, чаша, цикута, смерть, борец, жертва, память.

A. A. Sinitsyn
SOCRATES' GOBLET OF DEATH:
THE IMAGE OF THE PHILOSOPHER
IN THE POEM 'SOCRATES' BY P. F. YAKUBOVICH

A poem by Russian poet and writer Petr Filippovich Yakubovich, is coming out with an introduction and comments. The author of the article points out that the theme of a goblet/cup is frequent in the poet's verses. This image is often related to the motif of self-sacrifice and death. The theme also permeates the poem *Socrates* (1886) playing up the well-known story from ancient history. The image of the 'goblet of death' is akin to that of the Holy Cross, and the Athenian philosopher was often presented as a Christian before Christ, the first 'righteous'. Yet, in Yakubovich's *Socrates*, the motif is different: the populist revolutionary portrays the philosopher as a sturdy and relentless fighter for freedom, the one who opposes the powers that be who condemned him to death. Socrates here is an example of a man holding true to the ideals. Yakubovich's poem is a dialogue between Socrates and his friend. The Athenian philosopher rejects the arrangements made by his well-wishing friend to escape from prison, and faces death in the name of the ideas he had upheld all his life, fully aware that his teaching would stand the test of time. To fear death, to turn a faint-hearted fraud and betray everything he had held dear all his life would be to discredit his very devotion. Only 'sublime contempt for death' can prove and perpetuate the verity of his beliefs, the 'honest fervor of the teaching'. Plato's Socrates does not despise death, on the contrary, in his last hours he admits that he seems happy to have been cured of life as a disease (the dialogue *Phaedo* in which the condemned philosopher, to comfort his friends and disciples, offers four proofs of immortality of the soul

Plato *Phaedo* 70c-108c). However, Yakubovich diverges from the main ancient source (Plato's), he sweeps away the motifs of humility and humbleness, focusing on the inflexible will of his hero. The theme of the escape refers to Plato's *Crito*. The ancient Greek's Socrates refuses to escape, referring to his respect for law and his submission to the sentence pronounced in court by most of his fellow countrymen. The Russian poet believed that the condemnation of the heroic sage Socrates, a true fighter serving the ideals of the good, was unfair, so, according to the law of truth, the death of the philosopher was 'lawless'. The message in Yakubovich's *Socrates*: by no means must a fighter retreat in the last battle, he must accept the 'goblet of death' dispassionately, aware of what he is dying for, and he must withstand the entreaties made by his close friends and 'never let his heart fail him'. For those who will look on to the hero in future, he accepts death. It is fortitude that makes a man a hero; 'sublime contempt' for death is the foundation of victory and eternal life of the hero.

Keywords: Russian poetry of the 19th century, P. F. Yakubovich, philosopher, Socrates, Plato, Xenophon, Archelaus, Crito, prison poetry, dialogue, bowl, cup, hemlock/cicuta, death, fighter, sacrifice, memory.

Вместе с тем [Сократ] выказал силу духа: придя к убеждению, что умереть ему лучше, чем продолжать жить, он, как вообще не противился добру, так и перед смертью не выказал малодушия; напротив, радостно ожидал ее и свершил

(*Xenoph. Apol. 33*)*.

В ноябре 1884 г. двадцатичетырехлетний поэт Петр Филиппович Якубович, выпускник историко-филологического факультета Императорского Санкт-Петербургского университета (окончил в 1882 г.), был арестован и заключен в Петропавловскую крепость. Следствие длилось более двух с половиной лет, и в начале июня 1887 г. по так называемому «Процессу 21-го» («Лопатинскому процессу») революционер-народоволец П. Ф. Якубович был приговорен к смертной казни (подробнее о нем см. в моей статье, где собрана библиография: [45]; см. также: [7; 29; 34; 53]). Позднее смертная казнь для него была заменена 18 годами каторжных работ. Годы каторги и ссылки стали для П. Ф. Якубовича временем тяжелых испытаний, о чем он позже расскажет в автобиографическом романе «В мире отверженных» ([55]; см.: [1; 5; 6; 7; 45; 53]).

В предисловии к этому роману П. Ф. Якубовича (1964) советский литературовед Б. Н. Двинянинов отмечает:

В историю русской литературы Якубович вошел прежде всего как поэт революционного подполья. Его стихи, полные гражданского пафоса, боевых призывов, глубокой искренности, продолжали в 80–90-х годах традиции Некрасовской музыки «мести и печали». Написанные «кровью сердечной», они звучали то гневно-обличительно, то задумчиво-лирически [6, с. 5].

В стихотворении 1884 г. «Я пою для тех, чьи души юны...», написанном за несколько месяцев до ареста, П. Ф. Якубович будто предсказывает самому себе: «Музой был мне сумрак каземата / Цепь с веревкой — лиры были струны». Многие его сочинения содержат призывы к революционной борьбе. В стихо-

* Сочинение Ксенофонта «Защита Сократа на суде» цитируется в переводе С. И. Соболевского по изд.: [14, с. 198].

творении «Рассеян мрак, завеса поднята!..», датированном июлем 1882 года, есть такие строки:

Пока есть капля крови в жилах,
Не будем плакать на могилах —
Идем бороться, мыслить, жить! [54, с. 72]

По мнению поэта, только в осмысленной жизни-борьбе заключается подлинное счастье человека, оно «Там, где тревоги и ненастья», а «Удел призрачного счастья» он призывает «оставить трусам и глупцам». Бойцовские мотивы звучат в стихотворении «Юноше» (4 ноября 1882 г.), где двадцатидвухлетний поэт дает советы нынешним и будущим революционерам. «Жизнь — борьба» — так проповедует П. Ф. Якубович, и он призывает бороться до последней капли крови. Стихотворение с говорящим названием «Битва жизни», датированное концом ноября 1880 г., начинается и завершается сходной строфой, где поэт говорит о непрестанной внутренней борьбе:

Ах, без жизни проносится жизнь вся моя!..
Увлекаемый мутною тиною,
Я борюсь день и ночь, сам себе — и судья,
И тюрьма, и палач с гильотиною [54, с. 59, 61].

Мотивы личной борьбы и борьбы как жизненного принципа содержатся во многих стихотворениях П. Ф. Якубовича 1880-х гг.; укажу лишь некоторые: «Обделенные», «Пловцы», «Выбор», «Фантазия», сказка «Меч и лира», фантазия «Журавли» («Могучий зов борьбы великой и отважной / Над оргией людской раздался как набат!»), «Юность», «В цвете лет и сил кипучих...» и многих других. Поэт прославляет «Грозный час борьбы за жизнь и счастье». Часто в его стихах этого периода звучат призывы: «На борьбу за святой идеал!» (стихотворение «Сказочный город»), «Борись же ты и будь счастливей! / Пусть знамя светлое стоит в твоих руках / Еще прямей и горделивей!» («Над могилой друга») и др. Призывы к битве и самопожертвованию присутствуют в стихотворении 1883 г. «Проснись, дитя мое, проснись...»:

Без боли — счастья нет!
Спешి бороться, и страдать,
И пламенно любить,
И жертвой жертвы не считать,
И лишь для жертвы жить! [54, с. 95]

Якубовичевскую характеристику известного народовольца М. П. Шебалина «Боец, под грозой непреклонный» [54, с. 246] можно отнести к самому поэту. В своих бойцовских стихах он романтизирует индивидуальный подвиг революционера-мученика. Авторы большинства публикаций, посвященных П. Ф. Якубовичу, говорят о нем как о самом стойком борце из всех русских писателей второй половины XIX в. Герои-борцы прошлого вдохновляли П. Ф. Якубовича, для которого революционная деятельность была религией. В его поэзии мотивы страдания и скорби переплетаются с темами праведного гнева и решительной борьбы (см., например: [2; 5; 7; 18; 22; 45]).

С. А. Венгеров в «Очерках по истории русской литературы» отмечал:

Более тяжкие невзгоды, выпавшие на долю Якубовича, закалили его и не дали места каким бы то ни было сомнениям. Он — певец борьбы, он понимает свою жизненную и поэтическую задачу только как отстаивание дорогих ему идеалов народного счастья. Он, не колеблясь, отвергает мечты о личном благополучии [2, с. 102]. Возвышающая и закаляющая сила страдания за правду — это нимало не сломило его духа. <...> Он — «недобитый боец» и не сомневается в том, что в будущем его идеалы восторжествуют. <...> Ни на какие компромиссы он не пойдет: «Жизнь — борьба, а не рабство» [2, с. 103].

Поэт часто обращался к легендарным героям, цель которых заключалась в том, чтобы «для жертвы жить»^{*}. И, пожалуй, самой знаменитой фигурой античного героя-мученика представляется афинский философ Сократ. В 399 г. до н. э. народный суд родного полиса приговорил семидесятилетнего мудреца к смертной казни, и он должен был выпить чашу с соком ядовитого растения цикуты (в отечественной культуре был популярен образ Сократа; укажу некоторые работы: [8; 13; 15; 17; 19; 20; 21; 44, с литературой; 45; 46; 47; 48; 51; 52]). Во второй половине XVIII столетия образ Сократа становится символом русской культуры. В литературе культивируется легенда о герое, оставшимся верным своим идеалам. В первую очередь — служения идеалу справедливости.

Рассмотрим построенное на античных ассоциациях стихотворение «Сократ», которое характерно для бойцовской поэзии П. Ф. Якубовича.

* * *

Первая книга стихов Петра Якубовича была опубликована в 1887 г. Этот сборник содержал три раздела: в первый включены переводы из Шарля Бодлера, во второй — оригинальные сочинения П. Ф. Якубовича, третий посвящен переводам из Фридриха Боденштедта. Стихи, созданные в 1885–1886 гг. в тюрьме, были переданы на волю, и товарищи П. Ф. Якубовича подготовили сборник, который был напечатан в петербургской типографии И. Н. Скороходова [33]. Настоящее имя автор скрыл под псевдонимом Матвей Рамшев^{**}.

Стихотворение «Сократ» было помещено во втором разделе сборника [33, с. 117]. Поэт включал его и в другие сборники стихов. При переиздании он неоднократно вносил исправления в текст; в основном это касалось пунктуации и мелких корректировок, но были и существенные изменения в новых версиях стихотворения.

Приведу текст «Сократа» полностью в окончательном варианте, опубликованном в 1910 году, за несколько месяцев до смерти автора.

* Сошлюсь на свою публикацию прошлого года, где рассматриваются исторические и мифологические герои-борцы в творчестве П. Ф. Якубовича: [45].

** Писатель часто публиковал свои сочинения под разными криптонимами или псевдонимами: П. Я., Я., Н., М. Г-в, Матвей Рамшев, Л. Мельшин, П. Якубович-Мельшин, М. Гарусов, П. Гриневиц, П. Филиппович, П. Смирный, Чезаре Никколини, О'Коннор, Аквилон и др.

Сократ*

В кругу друзей, учеников
Сидел Сократ приговоренный
И кубок смерти незаконной
Спокойно выпить был готов.
5 Тогда, не вытерпев, рыдая,
Пред ним склонился Критиас...
Колени старца обнимая,
Он говорил: «Живи для нас!
Еще не поздно... кони близко...
10 Бежим! я стражу подкупил».
Но сын великий Софрониска
Ему с упреком возразил:
«Иль я не воин, меч носивший
И победивший в оны дни?
15 На снег, мой волос убеливший,
На сеть морщин моих взгляни.
Когда бы я, мольбам послушный,
В бою последнем отступил,
И друг, и недруг бы решил:
20 Он был обманщик малодушный!
Так вот любили вы кого,
Законом вам чье было мнение;
Так вот хваленый ум его
И к смерти гордое презренье!..
25 Когда ж не дрогну сердцем я, —
Знай: честный пыл моих учений,
Моя вражда, любовь моя
Достигнут дальних поколений.
Глупец! и это ль я отдам
30 За лишних две иль три минуты?..»

Сказал — и страшный яд цикуты
Поднес к бестрепетным устам.

Действие происходит в тюремной камере перед казнью афинского философа. Это краткий диалог между Сократом и его товарищем. Главный герой показан в момент экзистенциального выбора: решиться на побег из тюрьмы, который подготовили для него друзья и ученики, значит, продолжить существовать, но предать всё то, во что верил и чему всю жизнь учил других людей («И друг, и недруг бы решил: / Он был обманщик малодушный!», стркк. 19–20), тем самым не состояться самому и показать несостоятельность своих учений; есть и другая возможность: отклонить предложение сочувствующего товарища («Когда ж

* Печатается по изданию стихотворений П. Ф. Якубовича 1960 г. в серии «Библиотека поэта», подготовленному Б. Н. Двиняниновым [54, с. 142]. Использовано также первое издание 1887 г. «Стихотворения» Матвея Рамшева [33, с. 117–118]. Для сравнения привлечены сборники стихотворений поэта 1898, 1902 и 1910 гг. [30, с. 137–138; 31, с. 151–152; 32, с. 160–161].

не дрогну сердцем я», стрк. 25), исполнить несправедливый приговор народного суда, умереть, но тем самым, как говорят философы, *сбыться*. Сократ избирает второе — он отказывается от побега и принимает смерть. У П. Ф. Якубовича герой выдержал испытание, не отступил от своих принципов и убеждений, таким образом он одержал победу в своем «бою последнем» (стрк. 18).

Начало и финал стихотворения отсылают к платоновскому диалогу «Федон», где описаны последние часы жизни Сократа, которые он провел в разговорах со своими учениками и товарищами, пришедшими проститься с учителем. У Платона Федон Элидский, самый младший из воспитанников Сократа (справочные сведения о нем см. в книге Д. Нейлс: [23, с. 320–321]), рассказывает Эхекрату об этой беседе и смерти своего учителя. Он говорит о настроении друзей и учеников Сократа, передает речи мудреца, который успокаивает собравшихся и приводит четыре доказательства бессмертия души (Plato *Phaedo* 70c–108c). Как свидетельствует рассказчик, в тот день в тюрьме собрались многие ученики философа (ibid. 58d, 59b–c), в их числе был и сам Федон. Он говорит, что учитель вел себя спокойно, «я видел поступки и слышал речи счастливого человека! До того бесстрашно и благородно он умирал (ὡς ἀδελῶς καὶ γενναίως ἐτέλευτα)...» (ibid. 58e)^{*} С этого начинается и стихотворение П. Ф. Якубовича:

В кругу друзей, учеников
Сидел Сократ приговоренный
И кубок смерти *поднесенный*
Спокойно выпить был готов.

Это первая строфа «Сократа» в издании 1887 года [33, с. 117]. Во второй версии, опубликованной в сборнике 1898 г., поэт заменил последнее слово в стрк. 3: «И кубок смерти *беззаконной*...» Исправление, казалось бы, несущественное, но хочу на этом моменте остановиться подробнее. Нейтральное определение «поднесенный» для «кубка смерти» заменено словом, которое выражает отношение автора не к сосуду со смертельным ядом, а к «беззаконному» наказанию Сократа. Вероятно, по замыслу автора, данная замена должна была усилить акцент на несправедливом приговоре гелиэи, вынесенном афинскому мудрецу. Это исправление сохраняется в последующих переизданиях стихотворения (так же и в Т. 1,⁶1910 [32, с. 160–161]). Однако, что касается «смерти беззаконной» Сократа (вместо изначально «кубка поднесенного» для исполнения приговора суда), то это определение не соответствует исторической действительности. Как известно из сочинений Платона и Ксенофонта, в день, когда разбиралось дело Сократа, все правила судопроизводства присяжными были соблюдены. Согласно полисному праву, приговор философу считался *законным*, поскольку был вынесен большинством голосов гелиастов, участвовавших в судебном процессе. Но в понимании П. Ф. Якубовича, осуждение героя-мудреца, подлинного борца, служившего идеалам справедливости, являлось *несправедливым*. В «Воспоминаниях о Сократе» Ксенофонт пишет:

^{*} Цитаты из «Федона» приводятся в переводе С. П. Маркиша по четырехтомному академическому изданию Платона; здесь [28, с. 8].

Справедливость требует так судить и о Сократе (здесь автор опровергает обвинение философа в развращении молодых людей, которые находились в его окружении. — А. С.): если бы он сам поступал дурно, то было бы основание считать его негодным человеком; а если он всегда вел жизнь нравственную, то разве справедливо, чтоб он нес ответственность за пороки, которых у него не было? (Xenoph. *Memor.* I. 2. 28)*

Суд над Сократом выглядел как расправа недовольного большинства над согражданином, обличавшим общественные пороки и не пожелавшим умолять гелиастов о помиловании (см., например, обсуждение Т. В. Кудрявцевой поведения философа на суде: [16, с. 112–114]; о судебном процессе над Сократом см.: [12, с. 172–198; 24, с. 151–193]). Поэтому-то — вероятный довод П. Ф. Якубовича — по закону Высшей Правды судилище над мудрецом являлось «беззаконным»**, и во второй редакции «Сократа» (1898 и последующие издания) названа «беззаконной» его смерть. Хотя на самом-то деле (разумеется, исходя из того, что сообщают об этом наши источники) кубок с ядом цикуты — как вид казни — избрал для себя сам Сократ, и сделал он это согласно закону своего полиса.

Вызывает вопросы вторая строфа стихотворения. В первой версии главный герой беседовал с неким Архелаем:

Тогда, не вытерпев, рыдая,
Пред ним склонился *Архелай*...
Колени старца обнимая,
Он говорил: «Не умирай!...»

Почему П. Ф. Якубович первоначально указал имя Архелая, которое он позже заменил другим именем? Кого из друзей и/или учеников Сократа подразумевал поэт? Кем мог быть упомянутый здесь Архелай?

Одного Архелая традиция называет учеником Анаксагора. Годы его жизни не известны, по-видимому, он был на поколение старше Сократа, и последний являлся его любовником (см. о нем: [10, с. 28–30; 64; 62; 3; 4, с. 28–31]). В собрании Диогена Лаэртского краткий очерк об Архелая, сыне Аполлодора (или Мидона), происходившего из Афин (либо Милета?), предшествует очерку о Сократе (Diog. Laert. *Vit. phil.* II. 16–17). Архелай, имевший прозвище «Физик», будто бы перенес физическую философию из Ионии в Афины. Его считают первым афинским философом, и именно через него, как предполагает историк

* Цитаты из «Сократических сочинений» Ксенофонта даны в переводе С. И. Соболевского по изд.: [14, с. 31].

** Приведу суждение российского правоведа, историка правовых и политических учений В. С. Нерсесянца: «В наказание Сократу и в назидание другим афинский demos своим приговором выразительно продемонстрировал практическое преимущество власти перед философской истиной. Претензии обеих сторон на справедливость разрешились так, как они, собственно, и могли быть решены практически, на судебном процессе: истина власти одержала верх над властью истины» [24, с. 192]; и еще одна цитата: «[Сократ] защищался с той искренней готовностью ради правды к смерти, которая так расковывает и освобождает человека. И он проиграл свое уголовное дело расчетливо, мудро, красиво, выиграв тем самым дело всей своей жизни» [24, с. 193].

философии Диоген, Сократ в юности мог усвоить и начала этической философии*. Но этот Архелай не мог быть учеником Сократа, наоборот, он являлся его наставником (у Диогена он назван διδάσκαλος Σωκράτους). К тому же, ко времени казни Сократа Архелая-физика, вероятно, уже и в живых-то не было**. Здесь же Диоген упоминает «за компанию» еще трех Архелаев, но и они не могли входить в круг Сократа: один из них, землеописатель, жил после Александра Великого и описал те страны, которые завоевал македонский правитель; а два других Архелая здесь названы уже после этого хорографа: один — автор сочинения о диковинках (ὁ τὰ Ἰδιοφυῆ ποιῆσας), а второй — составитель справочника по риторике (ibid. II. 17).

Был еще один Архелай, современник Сократа, сын македонского царя Пердикки II и рабыни (Aelian. *Var. hist.* XII. 43). Он правил в Македонии с 413 г. до н. э. и известен как ценитель искусств, покровитель творческих людей (ко двору македонского правителя переехал под конец своей жизни афинский трагик Еврипид, был там и трагик Агафон — прототип героя платоновского «Пира»). Архелай был убит в один год с Сократом (399 г. до н. э.). О нем упоминается в разных диалогах Платона; например, в «Горгии» (470d) на вопрос Пола к Сократу знаком ли ему властитель Македонии Архелай, философ отвечает, что слышал о нем, называет Архелая тираном и говорит, что считает его несправедливым и несчастным человеком (Plato. *Gorg.* 470d-472d, 479a-e). Вслед за Платоном и Диоген Лаэртский сообщает, что к Архелаю Македонскому и многим другим современным правителям Сократ «относился с презрением, не принял от них подарков и не поехал к ним» (Diog. Laert. *Vit. phil.* II. 25) [9, с. 111]. Невозможно и представить присутствие македонского царя в окружении афинского философа, тем паче в числе его учеников в темнице (sic!). Это просто нелепо.

Но имел ли ввиду П. Ф. Якубович какого-то конкретного ученика Сократа? Или он просто назвал греческое имя, которое помнил из своих университетских занятий и прочитанной литературы (имя, взятое наугад, не обязательно связанное с Сократом)? Поэт избрал имя для рифмы в последней строке этой строфы: «Архелай» — «Не умирай!» Насколько известно из сохранившихся источников, в окружении Сократа не было ученика с именем Архелай. Но интересно, что вариант с Архелаем П. Ф. Якубович сохранил и в повторной публикации этого стихотворения в сборнике 1898 года [30, с. 137]. А вот в последующих изданиях он внес исправление во вторую строфу. Показалось ли самому П. Ф. Якубовичу имя Архелая в данном случае несообразным? Возможно, кто-то указал

* «...Уже Архелай, по-видимому, касался нравственности, так как философствовал и о законах, и о прекрасном и справедливом; а Сократ взял этот предмет у него, развил и за это сам прослыл основоположником» (Diog. Laert. *Vit. phil.* II. 16; пер. М. Л. Гаспарова по изд.: [9, с. 108]). Как отмечает автор статьи об Архелае в четвертом издании OCD У. Д. Росс, Архелай учил Сократа, но маловероятно, чтобы он предвосхитил Сократа, занимаясь этическими размышлениями [61, р. 139].

** Автор «Хронологии ранних греческих натурфилософов» Ф. Тибодо относит время рождения Архелая между 485 и 475 г. и считает, «наиболее вероятно, что Архелай либо умер в возрасте пятидесяти лет, либо провел остаток своей жизни в Лампсаке, не возвращаясь в Афины» [63, р. 298–299].

поэту на явное историческое несоответствие. Или он решил, что имя Архелая отсылает образованных читателей в первую очередь к имени македонского царя, о котором так нелестно отзывался Сократ? Здесь можно лишь гадать. Но поэт посчитал Архелая неуместным и заменил имя сократовского ученика на... «Критиас». Это исправление сохраняется в сборниках стихотворений, изданных в 1900-е годы (⁵1902; ⁶1910).

П. Ф. Якубович демонстрирует знание деталей биографии древнего философа (называет имя его отца, говорит об участии Сократа в сражениях, упоминает некоторые моменты о последних часах его жизни), его взглядов, его отношение к смерти. В этом стихотворении кроме имени Сократа (которое названо единственный раз во второй строке) упоминается также имя его отца: в стрк. 11 поэт величает философа по отчеству: «сын великий Софрониска». И оба эти имени (др.-греч. Σωκράτης и Σωφρονίσκος) здесь указаны в традиционном чтении — без греческих окончаний, никаких *Сократес* и *Софронискос*. Кстати сказать, так же и с именем Архелай (Ἀρχέλαος), использованном в первых двух изданиях «Сократа» — без греческого окончания «ос». Но взамен Архелая поэт подбирает имя с греческим окончанием — Критиас. В XIX в. сложилась традиция написания этого имени в таком варианте. Возможно, П. Ф. Якубович взял его из переводов Платона, выполненных В. Н. Карповым (первое изд. 1841–1842 гг., а второе — 1863–1879 гг.). Русский переводчик указывает имена Софрониска и Архелая без греческих окончаний, но вместе с тем передает полностью многие имена действующих лиц героев платоновских диалогов: Критиас, Клиниас, Горгиас, Эриксиас, Иппиас и др. (см., например: [49, с. 30–31]) У П. Ф. Якубовича имя Критиас попадает в стихотворный размер и с ним рифмуется местоимение «нас» в конце стрк. 8: «Пред ним склонился Критиас» — «Живи для нас!» В древнегреческом языке ударение в этом имени стоит на втором от конца слоге: Κριτίας; поэтому поэт специально указывает знак ударения на «а», что отмечено в прижизненных изданиях стихотворения: «Кριτίαςъ» (в издании стихотворений П. Ф. Якубовича в серии «Библиотека поэта» 1960 года ударение отсутствует). Позже устойчивым в русском языке станет иная версия этого греческого имени — Критий. Но проблема вовсе не в грамматических тонкостях. Присутствие исторического Крития/Критиаса в темнице Сократа представляется таким же парадоксальным, как и присутствие названного в первой версии Архелая (любого из вышеперечисленных исторических лиц). Кого имел ввиду поэт-филолог, заменивший одно неуместное имя сократовского ученика на другое? Кто мог быть этим Критием, умоляющим учителя остаться в живых «для нас»?

Имя Крития встречается в «Сократических сочинениях» Ксенофонта и в платоновских диалогах «Протагор», «Хармид» и др. Именем Крития назван диалог Платона об Атлантиде и могучих атлантах. Известен афинский аристократ Критий, сын Каллесхра (ок. 455–403 гг. до н. э.), который был политиком, ритором, софистом, поэтом, он был богат и знатен, являлся противником демократического правления, участвовал в перевороте Четырехсот (411 г.) и был главой Тридцати тиранов в Афинах (404 г.). По матери Критий был двоюродным дядей Платона и в юном возрасте принадлежал к кружку Сократа,

однако «сократиком» Критий не был, поскольку его интересовала не этическая философия Сократа, а мастерская его риторики и диалектики (о нем см., например: [50, с литературой; 23, с. 203–207, 333 сл.; 4а, с литературой]).*

Ксенофонт рассказывает, что на суде обвинитель Сократа называл известных учеников философа Крития и Алкивиада, которые «очень много зла наделали отечеству. Критий при олигархии (когда он возглавлял коллегию Тридцати в Афинах. — А. С.) превосходил всех корыстолюбием, склонностью к насилию, кровожадностью...» (Xenoph. *Memor.* I. 2. 12) В другом месте Ксенофонт раскрывает причину ненависти Крития к учителю. Когда Критий был влюблен в Евтидема и пытался соблазнить юношу, Сократ предостерегал Крития от этой страсти:

в присутствии многих лиц, в том числе и Евтидема, сказал, что у Крития, как ему кажется, есть свинская наклонность: ему хочется тереться об Евтидема, как поросята трутся о камни. С этого-то времени и стал ненавидеть Сократа Критий (Xenoph. *Memor.* I. 2. 30–31) [14, с. 31–32].

В диалоге «Федон» Платон указывает имена многих друзей и учеников, пришедших проститься с Сократом (сам же Платон был болен и поэтому не присутствовал в день казни учителя, Plato *Phaedo* 59b). Среди собеседников философа названы афиняне и граждане других полисов: Аполлодор, Критон, Критобул, Федон, Гермоген, Эпиген, Эсхин, Антисфен, Менексен, Ктесипп, Симмий, Кебет, Федонд, Евклид, Терпсион (*ibid.* 59b–c); упоминается жена Сократа Ксантиппа с ребенком на руках (60a), другие его сыновья, безмянные родственницы (116a–b), тюремщик и рабы. Но среди присутствующих нет никакого Крития. А Критий, сын Каллесхра, не мог присутствовать перед казнью Сократа, поскольку погиб за четыре года до этого. Да и сложно соотнести поведение якубовичевского умоляющего, склонившегося перед Сократом, с тем историческим Критием, каким мы его знаем из сочинений Платона и Ксенофонта.

Предполагаю, что убрав неуместного Архелая, русский поэт, по-видимому, подменил именем Крития/Критиаса товарища Сократа Критона, перепутав имена сократовских учеников (*lapsus memoriae?*). Афинянин Критон (ок. 470 — после 399 г. до н. э.) был товарищем и самым старшим из учеников Сократа (о нем см. в книге Д. Нейлс: [23, с. 214–216]). В «Апологии» Платона (33e) Сократ называет Критона ровесником и говорит, что оба они родом из одного аттического дема (Алопеки). Этот состоятельный афинянин часто

* «Занятия Крития философией и его общение с Сократом, поясняет Ксенофонт, имели в виду не приобщение к высоким нравственным истинам, а лишь совершенствование в диалектике и риторике как необходимое условие последующей успешной политической карьеры», — считает Э. Д. Фролов [50, с. 237]; и далее: «...отчуждение от высоких истин нравственной философии Сократа было тем естественнее, что главной чертой натур вроде Крития было безмерное честолюбие, неукротимая жажда власти, которая толкала их, в нарушение аристократического кодекса чести (ἀρετή), к бескрайней спеси и насилию (ὑβρις)» [50, с. 245–246]. Ср. суждение Р. Б. Галанина: «...зная, что Критий учился у Сократа..., мы могли бы назвать Крития «сократиком», т. е. последователем Сократа — однако едва ли это была бы правильная характеристика» [4а, с. 120–121].

помогал Сократу, а философ обучал его старшего сына Критобула. Во время суда над Сократом Критон готов был внести за него штраф, а после предлагал ему устроить побег из тюрьмы. В диалоге Платона «Критон» старинный друг и ученик приходит ранним утром в темницу к Сократу и склоняет философа к бегству. Он приводит разные доводы и говорит, что готов пожертвовать всем своим состоянием ради спасения товарища (Plato *Crito* 44b-46b)*. Именно платоновскому Критону подходят слова, которые П. Ф. Якубович вкладывает в уста (какого-то?) Архелая, а потом приписывает их Критиасу/Критию: «Еще не поздно... кони близко... / Бежим! я стражу подкупил» (стркк. 9–10). В платоновском «Критоне» лейтмотивом проходит тема побега и подкупа, спасения приговоренного за *деньги* (в цитатах эти места выделены мной курсивом):

Но, дорогой мой Сократ, и теперь (когда до исполнения смертного приговора остается три дня. — А. С.) еще говорю тебе: послушайся ты меня и не отказывайся от своего спасения. Ведь меня, если ты умрешь, постигнет не одна беда: кроме того, что я лишусь друга, какого мне никогда и нигде больше не найти, еще многим из тех, которые не близко знают нас с тобою, покажется, что я не позаботился спасти тебя, будучи в состоянии сделать это, если бы захотел истратить деньги. Ну а может ли быть хуже такой славы, когда о нас думают, что мы ценим деньги больше, чем друзей? Ведь большинство не поверит, что ты сам не захотел уйти отсюда, несмотря на наши старания (44b–c).

<...> Сократ, но вот ты мне что скажи: уж не боишься ли ты за меня и за прочих близких, что, если ты уйдешь отсюда, доносчики причинят нам неприятности за то, что мы тебя отсюда похитили, и что мы должны будем потерять довольно много денег, а то и все наше состояние <...> Этого уж ты не бойся. Да и немного просят денег за то, чтобы спасти тебя и вывести отсюда. Что же касается наших доносчиков, то разве ты не знаешь, какой это дешевый народ и что для них вовсе не может понадобиться много денег. Ты же можешь вполне располагать своим имуществом, и я думаю, что его будет достаточно. Если, наконец, забота обо мне, ты думаешь, что не нужно тратить моего имущества, то вот твои иноземные друзья, которые здесь, готовы за тебя заплатить; один уже и принес необходимые для этого деньги — Симмий Фиванец. То же самое готов сделать и Кебет, и еще очень многие. Повторяю я тебе — не бойся ты этого и не отказывайся от своего спасения <...> (44e-45b)**

Критон в одноименном диалоге Платона убеждает друга-философа, используя похожие аргументы, что и якубовичевский Критиас, кроме поэтических дополнений, призванных усилить эмоциональное напряжение в момент выбора героя: сейчас все подготовлено к бегству, уже подкуплена стража, а ожидающие поблизости кони готовы умчать беглеца из Афин. В стихотворении «Сократ» этот диалог происходит не накануне свершения казни, а непосредственно перед ней. У Платона Критон дважды упоминается в «Апологии Сократа» (33e и 38b), является главным действующим лицом диалога «Евтидем», участвует в «Федоне», где

* Обсуждение аргументов Критона и контраргументов Сократа в этом платоновском диалоге см. в монографии Ф. Х. Кессиди: [14, с. 180–197].

** Цитаты из «Критона» Платона приводятся в переводе М. С. Соловьева по изд.: [27, с. 98, 99].

он задействован в начале (60a, 63d–e) и в конце диалога (115b sq.). В финальной сцене смерти Сократа (Plato *Phaedo* 115b–118a) все другие герои присутствуют безмянно (кроме Аполлодора, который непрерывно плакал и голосил, всем надрывая душу, 117d), и только имя Критона встречается здесь 16 раз. Старый товарищ показан «душеприказчиком» приговоренного философа (115b, c):

Тут заговорил Критон.

— Хорошо, Сократ, — промолвил он, — но не хочешь ли оставить им или мне какие-нибудь распоряжения насчет детей или еще чего-нибудь? Мы бы с величайшею охотой сослужили тебе любую службу.

<...>

— Да, Сократ, — сказал Критон, — мы постараемся исполнить все, как ты велишь. А как нам тебя похоронить? [28, с. 76, 77]

Критон сопровождает Сократа в умывальню (116a), просит друга не торопиться с принятием яда (116e), а потом подает знак рабу, чтобы принесли чашу со стертým ядом (117a). Именно к Критону обращает Сократ свои последние слова перед тем, как перейти в вечное бытие, и дает ему поручение принести богу Асклепию петуха: душа философа освободилась из земного плена, ныне он выздоровел от жизни. «Взгляд Сократа остановился. Увидев это, Критон закрыл ему рот и глаза», — завершает Федон свой рассказ у Платона (118a) [28, с. 80].

В очерке Н. М. Карамзина «Афинская жизнь» герой Платон читает публице свое сочинение о любимом учителе, испившем «чашу смерти». Русский историк и литератор близко к тексту источника («Федону») пересказывает сцену смерти Сократа:

Он утешал нас, словами, взорами, объятиями. Уже смертоносная чаша была в руке его ... Критон, любезнейший ему ученик, бледный Критон целовал его руку. Юный, чувствительный Аполлодор рыдал беспрестанно. Другие закрылись мантиями... *Ах! Кто будет Гением хранителем нашим?* — воскликнул Антистен. *Добродетель*, — ответствовал святой друг наш и выпил чашу смерти. Все оцепенели от ужаса... Сократ в последний раз воззрел на друзей своих — и еще любовь сияла в очах его!.. В последний раз!.. Уже яд свирепствовал в его сердце... Пламя жизни угасало... угасло!.. Мир лишился венца своего!.. Критон закрыл глаза добродетельного! [11, с. 39]

* * *

Пафос «Сократа» созвучен со многими другими сочинениями поэта-борца Якубовича. В его поэзии часто встречается образ кубка/чаши. Например, в стихотворении «Страдай один!..» (1886):

А если час ударил твой
И все надежды пережиты, —
Ну что же? Сгибни как герой,
Разбей свой кубок недопитый! [54, с. 144]

Здесь П. Ф. Якубович воспевает «правдивые мученья» и «гордое терпенье» борца. Человек, посвятивший себя служению справедливости, не должен

рассчитывать на сочувствие других людей: «Страдай один!..» — дважды повторяет поэт; «не проси / У встречных взора сожаленья»; «В твоей груди <...> твое спасенье». А когда потребуется принять смерть за свои идеи, не сожалей о том, что мало прожил, «Разбей свой кубок недопитый» и погибни как настоящий герой. Здесь недопитый кубок — это метафора непрожитой жизни. Финал стихотворения «Страдай один!..» согласуется с концовкой «Сократа», где философ отказывается от дальнейшей жизни во имя того, чему он служил («и это ль я отдам / За лишних две иль три минуты?..», стркк. 29–30).

Мотив сократовской чаши смерти («отравленная чаша») появляется в стихотворении 1887 года, в котором поэт призывает «Вперед идти!» и не отступать ни перед угрозами врага, ни перед его «улыбкою умильной»:

Перед отравленную *чашей*
Вам шлем привет прощальный свой,
Вам, кто пошел дорогой нашей,
Кто взял наш крест, тот крест святой —
Вперед идти!.. Под вихрем бурным,
Под громом, в сумраке ночном,
Ни утром ясным и лазурным
Не отступить перед врагом! [54, с. 145]

Здесь все те же мотивы испытания и жертвенности, а в финале «отравленная чаша» сопряжена с темой смерти — рифмуется с «могилой нашей»:

Но пред отравленную *чашей*
Предстать с сияющим челом —
Из глубины могилы нашей
Благословение вам шлем [54, с. 146].

Встречается у П. Ф. Якубовича образ чаши жизни. Стихотворение «Возмущение любви» (1883) Б. Н. Двинянинов охарактеризовал как «взволнованный лирический дневник» [5, с. 28], по мнению исследователя, в основе конфликта этой психологической поэмы «лежит напряженная борьба страсти и гражданского долга» [5, с. 30]. В восьмой части поэмы автор призывает:

О, приходи же, сестра моя милая, где ты?
Наших сердец неугасшее пламя
Вместе сольем и, любовью согреты,
Гордо поднимем великое знамя! [54, с. 90]

И в конце этой части упоминается о «жизненной чаше»: «Вспомни: едва прикоснулись мы к жизненной *чаше*... / Верь мне: грядущее — наше!» Чаша жизни, чаша испытаний, связана опять же с мотивом борьбы, как, например, в стихотворении «Обряд окончился позорный...» (1885) В нем П. Ф. Якубович говорит, что, как арестант, обречен на долгое одиночество («И я один, один теперь! / И дни пройдут, быть может, годы...» [54, с. 112]). Но он осознает, что его ждет «колыбель родной свободы», что «не всё погребено!»; его поддерживает опыт героев (их «скорбные тени»), томившихся в стенах тюрьмы:

О, сколько бледных, скорбных теней
Я тихий шелест узнаю, —
Борцов минувших поколений,
Здесь *чашу* выпивших свою! [54, с. 113]

В стихотворении «Проводы» (1885) П. Ф. Якубович обращается к своей невесте Розе Франк, которая находилась под следствием, но в апреле 1885 г. была выпущена из тюрьмы и выслана на родину*. Поэт советует ей «отдохнуть от потерь», поскольку предвидит, что «Будут страшные дни: душу всю истомишь, / Слезы выплачешь все в одиночестве, — верь!» [54, с. 125] Но для него самого желание отдохнуть — неисполнимо. Герой должен испить свою чашу до конца. В финале он просит подругу:

Отдохни, милый друг мой! Меня же оставь
Выпить *чашу* мою! [54, с. 125]

В стихотворении «Молитва» (1894) уставший от испытаний поэт вымаливает у судьбы отдохновение, возможность хотя бы краткий миг прожить без борьбы; но он понимает, что ему уже никогда не испить из «заветной чаши» — не обрести для себя желанный покой:

О, неужель предвечными судьбами
Лишь мы одни обречены скорбям
И не дано иссохшими устами
На миг прильнуть к заветной *чаше* нам?.. [54, с. 212]

Сократа сделал бессмертным его «кубок смерти». Две чаши в мировой культуре связаны с двумя великими героями древней истории. Первая по времени — сократовская, вторая возникает четыре столетия спустя — это чаша, из которой Иисус Христос вкушал на Тайной вечере и в которую Иосиф Аримафейский собрал кровь из ран распятого на кресте Спасителя. Часто о Сократе говорят как о христианине до Христа, как об эллинском «пророке» и «праведнике», который подготавливал языческий мир к приятию христианства (см., например: [57; 17; 38; 39; 40; 41; 42]; о мудреце Сократе в раннехристианской агиографии: [25; 26, с литературой]).

«Место Сократа занял Христос», — пишет С. А. Жебелев в биографическом очерке «Сократ» [10, с. 189]. Прославленного босоногого философа из Афин часто сравнивают с Иисусом Христом, Спасителем мира. Любовь к истине, служение людям и жертвенность сближают две эти ключевые фигуры древности. «*Сократовское евангелие* (курсив мой. — А. С.) и для теперешнего, и для будущих поколений будет всегда служить источником жизни, нравственной силы и свободы» [10, с. 190]. Об афинском философе говорят как о борце, отдавшем жизнь за верность идеалам, которым он служил.

Сократ остался верен себе до конца. Его миссия была — направить чувства и мышления людей на новые пути. Всякого рода компромиссы для таких цельных

* См. комментарии к этому стихотворению Б. Н. Двинянинова: «Р. Ф. Франк была до суда освобождена под залог и временно выслана к родным в Каменец-Подольск под гласный надзор полиции» [54, с. 415].

и честных натур, как Сократ, неприемлемы и невыносимы. Пред ними стояла альтернатива: или продолжать то дело, которое он считал задачей своей жизни, или прекратить это дело, но вместе с тем перестать жить. И он не как фанатик-мученик, в порыве экстаза, но как убежденный мудрец, с полным сознанием, пошел на смерть [10, с. 170–171].

Сократовскую чашу цикуты можно соотнести с крестом Христа — два образа, связанные двумя смертями, ставшими поворотными в истории человечества. С Сократом случилось то, что через столетия произойдет с Христом: «смертию смерть поправ», именно смерть излечила Сократа, сняла с него тенеты земной жизни. «То, что сказано о Христе, может быть применено и к Сократу: оба они должны были умереть, чтобы победить», — пишет С. А. Жебелев [10, с. 171].

Но для русского поэта П. Ф. Якубовича важен не религиозный мотив, не тема бессмертия Сократа и его жизнь в «дальних поколениях». Доминантой стихотворения «Сократ» является то, что рыцарь идеи не должен отступать в последнем бою.

* * *

Поэт показывает Сократа-борца, Сократа-воина в последний час его жизни, который стал для него последним испытанием. Неслучайно в стихотворении престарелый философ припоминает о своем военном прошлом (стркк. 13–16):

Иль я не воин, меч носивший
И победивший в оны дни?
На снег, мой волос убеливший,
На сеть морщин моих взгляни.

Известно, что Сократ неоднократно принимал участие в сражениях, которые вел его родной полис: при Потидее (432 г.), Делии (424 г.) и Амфиполе (422 г.). Об этом говорит сам философ (см. Plato. *Apol.* 28e), о героическом поведении своего наставника и спасителя свидетельствует Алкивиад (Plato. *Symp.* 219e–221b), славу его военной доблести подтверждает Лахет в одноименном диалоге Платона (*Lach.* 181b–d), а тому вторит Лисимах (см.: Plato *Crito* 52b; *Charm.* 153a–d; ср.: Diog. Laert. *Vit. phil.* II. 22–23). В военных походах Сократ участвовал в качестве гоплита (тяжело вооруженного воина) и, как рассказывают очевидцы (Лахет, Алкивиад), в бою он вел себя мужественно. Во время пира у Агафона Алкивиад восхваляет храбрость и выносливость Сократа, которые он наблюдал и оценил во время их совместного участия в военных кампаниях. По его словам, философ превосходил всех остальных воинов в переносимости боли, голода и холода, проявил спокойствие и выдержку, помогал другим соратникам (Plato. *Symp.* 220a sqq.). В платоновском «Лахете» и в «Воспоминаниях» Ксенофонта (III. 1–5) Сократ со знакомым делом рассуждает о военном искусстве и об обязанностях полководца (из литературы о Сократе-воине см.: [64; 60; 56, с обзором источников; 35; 36; 37; 58, р. 131–162; 59, обе указанные здесь работы С. С. Моносон — с библиографией]).

Не ясно, на какую победу «в оны дни» намекает якубовичевский герой. Возможно, поэт имеет ввиду Потидейскую кампанию (?), за которую Сократ

был удостоен награды, но уступил ее Алкивиаду, коего он спас тогда в сражении (Plato. *Symp.* 220e; Diog. Laert. *Vit. phil.* II. 23). Возможно, это стилистическая фигура, которую П. Ф. Якубович использует с целью показать героический образ Сократа-бойца, который и в былые дни не отступал перед смертельной опасностью, и ныне не отступит перед смертью.

* * *

Исследователи творчества П. Ф. Якубовича отмечают автобиографичность его лирики. «Сократ» был написан в Петропавловской крепости, когда поэт второй год находился под следствием. Стихотворение датировано 1886 годом, т. е. за год или месяцы до вынесения его автору смертного приговора. Но в ожидании суда молодой поэт подготавливает себя к тому, чтобы достойно (по-сократовски!) принять любое решение суда. Революционер-народоволец П. Ф. Якубович был приговорен к смертной казни и несколько недель жил с осознанием скорого исполнения приговора. Этот факт биографии русского поэта сближает его с Сократом. Но афинский философ был казнен, выпив чашу с ядом цикуты, а Петру Якубовичу «кубок смерти» был заменен каторгой. Поэт прожил еще два с лишним десятилетия (половину своей жизни) и о самом Якубовиче можно сказать словами, которыми он в стихотворении 1896 года охарактеризовал судьбу своего соратника М. П. Шебалина: «Страдания чашу испивши до дна...» [54, с. 246]

Замечу, что в первой версии 1886 года в стихотворении единственное слово выделено курсивом: в пятой строфе «Когда б я <...> В бою *последнем* отступил...» Во всех последующих изданиях «Сократа» в стрк. 18 курсив отсутствует, в эту строфу поэт неоднократно вносит изменения^{*}, но мотив верности своим идеалам (не отступить / не уступить) *до последнего* сохраняется. Платоновский Сократ отказывается от бегства, ссылаясь на уважение к Государству и Законам, которые судили так, что философ должен умереть (притча, рассказанная в «Критоне»).

В шестом издании собрания стихотворений П. Ф. Якубовича (1910) в первой строке пятой строфы «Сократа» слово «жалости» (использованное в предыдущих изданиях) заменено «мольбами», что ярче и достовернее, поскольку соответствует платоновской версии: Сократа умоляет Критон в одноименном диалоге (Plato *Crito* 44b–c, 45a–46a), а рассказчик в «Федоне» признается собеседнику: «Я был свидетелем кончины близкого друга, а между тем *жалости к нему не ощущал* (курсив мой. — А. С.) — он казался мне счастливецом» (Plato *Phaedo* 58e и ср. 59a). Еще одна существенная замена в шестом издании сделана в третьей строке этой строфы: вместо «Скажи — не всякий ли б решил» П. Ф. Якубович в итоге включил: «И друг, и недруг бы решил» (стрк. 19). Эта последняя версия представляется более резонной, опять же «платоновской».

^{*} Например, в издании 1902 г. пятая строфа была существенно изменена:

Когда бы, жалости послушный,
Врагу теперь я уступил,
Скажи — не всякий ли б решил:
Он был обманщик малодушный! [31, с. 151]

Вместо вопроса к собеседнику с обобщающе-условным выражением «не всякий ли б» теперь у Якубовича (в 1910) философ утверждает: так, несомненно, решат «и друг, и недруг». Причем поэт конкретизирует: бегство приговоренного осудят не только его враги, но и близкие ему люди — друзья и ученики, т. е. все те, кто верили ему при жизни, кто шли за ним. Это сходно с возражениями Сократа на доводы Критона в пользу того, чтобы философ удрал из тюрьмы (см. Plato *Crito* 53b, 54a–b). Но Сократа (якубовичевского, как и платоновского) беспокоят не столько его враги, обмануть которых и значило бы — бежать от приговора, но «обманщиком малодушным» сочтут друзья, которые его любили и считали его мнение «законом» (см. стркк. 21–22).

Главная тема стихотворения П. Ф. Якубовича: *спокойно* принять «кубок смерти», осознавая, ради чего умираешь, «не дрогнуть сердцем» и выдержать испытание мольбами близких людей. Поскольку для друзей и учеников Сократа и для тех, кто будут равняться на него в будущем, герой и принимает смерть. Теперь никакие слезы, уговоры и мольбы друзей и учеников («Когда бы я, мольбам послушный, / В бою последнем отступил...») не могут склонить философа к тому, чтобы отказаться от своих убеждений, даже (или: тем более), если ему угрожает смерть. Испугаться смерти, оказаться «обманщиком малодушным» и предать то, чему служил всю жизнь, — это было бы развенчанием самого служения. Только «к смерти гордое презренье» может доказать и утвердить истинность убеждений, «честный пыл учений».

Но, разъясняя причины своего выбора Архелаю/Критиасу, якубовичевский герой-философ делает это не по-сократовски иронично (как в диалогах Платона). У Платона, осознавая благие намерения друзей и учеников, скорбящих о смерти учителя, сочувствуя им, сам Сократ сохраняет веселость. В «Федоне», обращаясь к товарищам, он признается (69d–e):

Вот вам моя защитительная речь, Симмий и Кебет; вот почему я сохраняю спокойствие и веселость: я покидаю и вас, и здешних владык в уверенности, что и там (в Аиде. — А. С.) найду добрых владык и друзей, как нашел их здесь [28, с. 21].

Далее, рассуждая о вечной жизни, философ приводит доказательства бессмертия души человека (Plato *Phaedo* 70c sqq.). И это обосновывает правильный выбор платоновского героя. В конце «Федона», подводя итоги изложенному учению о душе, Сократ говорит (114c, e–115a):

И вот ради всего, о чем мы сейчас говорили, Симмий, мы должны употребить все усилия, чтобы приобщиться, пока мы живы, к добродетели и разуму, ибо прекрасна награда и надежда велика! <...> Нечего тревожиться за свою душу человеку, который в течение целой жизни пренебрегал всеми телесными удовольствиями <...> и, украсив душу не чужими, но доподлинно ее украшениями — воздержностью, справедливостью, мужеством, свободой, истиной, ожидает странствия в Аид, готовый пуститься в путь, как только позовет судьба [28, с. 76].

У П. Ф. Якубовича иначе: здесь всё сводится к земному пребыванию человека — к телесному существованию до его физической смерти и *post mortem* — в памяти людей («честный пыл моих учений <...> Достигнут дальних поколений», стркк. 26, 28). Русский поэт изображает гордого и смелого борца,

идущего на смерть во имя тех идей, которым он служил всю свою жизнь, убежденного в том, что его учение переживет века. Сократ преподносит собравшимся в темнице последний урок: если они не понимают, что учитель не может принять их дар и бежать от исполнения приговора суда, то они суть плохие ученики.

Осуждение Сократа народным судом Афин было делом несправедливым, и спасение его из тюрьмы, как считали друзья и ученики Сократа, стало бы восстановлением справедливости. Об этом же говорит Критон в одноименном диалоге (45с–d). Однако философ развенчивает все доводы своего друга. Для платоновского Сократа главное, что «не должно ни воздавать за несправедливость несправедливостью, ни делать людям зло, даже если бы пришлось и пострадать от них как-нибудь» (Plato *Crito* 49с–е). После рассказанной Сократом притчи об олицетворенных Законах и Государстве, которые осудили его намерение увильнуть от приговора и удрать из тюрьмы (ibid. 50а–54d), напрасными оказываются все потуги Критона убедить своего товарища. Как говорится, с притчей не поспоришь. Таковы мотивы исторического (платоновского) героя.

Главное для героя якубовического стихотворения — отважно (замечу: даже показательно-отважно, воздействуя словом и делом на аудиторию) встретить свою кончину. В первом четверостишии поэт говорит, что «кубок смерти» он «спокойно выпить был готов». И, произнеся свою последнюю речь, в финале стихотворения философ-борец подносит яд «к *бестрепетным* устам». Молодой поэт изображает героя твердым, бесстрашным, но отнюдь не бесстрастным, ибо в словах Сократа ощущаются борцовский пафос, вызов, чего нет у действительно спокойного и сдержанного платоновского героя, каким он предстает в финальном триптихе, в который включают «Апологию Сократа», «Критона» и «Федона».

* * *

«Сократ» Якубовича — небольшое драматическое произведение, которое имеет рамочную композицию. Как отмечалось выше, начало и конец стихотворения отсылают к диалогу Платона «Федон», а средняя (основная) часть — к платоновскому «Критону». В самом начале возникает «кубок смерти» (стрк. 3), центральную часть драмы составляет *диалог у кубка*, а в конце смертельная чаша «срабатывает»: в последних строках герой «страшный яд цикуты / Поднес к *бестрепетным* устам» (стркк. 31–32). Здесь интересно противопоставление: «*страшный яд*», который принимают «*бестрепетные уста*» Сократа. Поэт показывает, что философ, который всю жизнь выказывал «к смерти гордое презренье» (стрк. 24), ныне на практике не страшится встречи со смертью. Главная тема этой мини-драмы П. Ф. Якубовича — всегда хранить спокойствие и в смертный час быть верным себе, оставаясь непреклонным, «*бестрепетным*».

Оказавшись в тюрьме, молодой поэт избирает для себя в качестве образца опыт поведения известного узника Сократа. П. Ф. Якубович всю жизнь был верен революционным идеалам. Ни каторга, ни ссылка, ни болезни не сломили его боевой дух. Он видел свое предназначение в служении будущему

человечества, в движении туда, где «горит звезда неведомого счастья» («Крест и идеал», 1890).

«Сократа», как и многие другие бойцовские стихи П. Ф. Якубовича, можно назвать «программным сочинением». В нем поэт-революционер выразил свое *credo*, определил личные установки гражданина и художника: ни при каких обстоятельствах, даже перед угрозой смерти, не сгибаться, не уступать врагам, не отказываться от своих убеждений. Поэт изображает Сократа стойким и непримиримым борцом за свободу, противостоящим власти, осудившей на казнь справедливого человека, примером верности служения идеалам, истым революционером.

Здесь поэт сам себе одновременно и гордый борец Сократ, и его последователь Платон, который сделал учителя главным героем своих философских диалогов. Сентенции якубовичевского Сократа характеризуют не столько афинского философа (каким мы его знаем из сократических произведений Платона и Ксенофонта), сколько имеют авторский статус и представляют позицию русского народовольца.

Не служение праву и полису, а только верность своим убеждениям является определяющей в поведении человека, квинтэссенцией героического. Платоновский Сократ не презирает смерть, напротив, в последние часы жизни философ признается, будто рад тому, что излечился от жизни-как-болезни (финал «Федона»). Но для П. Ф. Якубовича Сократ — революционер, страдающий за свои идеалы. Поэт отступает от основного античного источника (Платона), устраняя в речах философа мотивы смирения и покорности, он акцентирует внимание на непреклонной воле Сократа-борца.

ЛИТЕРАТУРА

1. Богданович А. И. «В мире отверженных» г. Мельшина // Богданович А. И. Годы перелома. 1895–1906: Сб. критических статей. Со вступительными статьями [В. Г.] Короленко, [А. И.] Куприна и [М. П.] Неведомского. СПб.: Книгоиздательство «Мир божий», 1908. С. 59–69.
2. Венгеров С. А. Очерки по истории русской литературы. 2-е изд., без перемен. СПб.: Типография т-ва «Общественная Польза», 1907.
3. Галанин Р. Б. «И отделились люди от прочих животных». Чему учил первый афинский философ Архелай — наставник и любовник Сократа // Нож. 2020, 3 августа. URL: <https://knife.media/archelaus/> (дата обращения: 04.11.2023).
4. Галанин Р. Б. Теология Сократа: бог Эрот // Платоновские исследования. 2022. Т. 17. № 2. С. 28–50.
- 4а. Галанин Р. Б. Религиозные воззрения софиста Крития: Рациональная теология или атеизм? // СХОЛН. Философское антиковедение и классическая традиция. 2022. Т. 16. 1. С. 113–138.
5. Двинянинов Б. Н. П. Ф. Якубович // Якубович П. Ф. Стихотворения / Вступит. статья, подгот. текста и примеч. Б. Н. Двинянинова. Библиотека поэта, большая серия. 2-е изд. Л.: Советский писатель, 1960. С. 5–47.
6. Двинянинов Б. Н. Якубович и его книга о каторге // Якубович П. Ф. В мире отверженных. Записки бывшего каторжника / Подгот. текста и примеч. И. Якубович; вступ. статья Б. Двинянинова. Т. 1. М.; Л.: Изд-во «Художественная литература», 1964. С. 3–20.

7. Двинянинов Б. Н. Меч и лира: Очерки жизни и творчества П. Ф. Якубовича. М.: Наука, 1969.

8. Дёмин Р. Н. Античные истоки концепции философской клиники Константина Сотонина // Русский логос: Материалы международной философской конференции, Санкт-Петербург, 25–28 сентября 2017 г. В 2 т. Т. 1. СПб.: «Интерсоцис»; Изд-во РХГА, 2017. С. 479–482.

9. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / Пер. М. Л. Гаспарова; общ. ред. и вступит. статья А. Ф. Лосева. М.: Мысль, 1979.

10. Жебелев С. А. Сократ. Биографический очерк. Берлин: Государственное изд-во, 1923.

11. Карамзин Н. М. Полное собрание сочинений: в 18 т. Т. 15: Проза конца 1790–1800-х годов. Пьеса. Переводы / Сост., подгот. текста и примеч. А. М. Кузнецова. М.: Terra-Книжный клуб, 2007.

12. Кессиди Ф. Х. Сократ. 2-е, доп. изд. М.: Мысль, 1988.

13. Костин А. В. «Галантный» Сократ. К проблеме бытования образа исторической личности в русской литературе конца XVIII в. // Русская литература. 2005. № 1. С. 92–96.

14. Ксенофонт Афинский. Сократические сочинения. Воспоминания о Сократе, Защита Сократа на суде, Пир, Домострой / Пер., статьи и комментарии С. И. Соболевского. М.; Л.: Academia, 1935.

15. Кудрявцева Т. В., Турова А. Ю. Античные сюжеты и герои в произведениях декабристов и их окружения // Метаморфозы истории. 2022. Вып. 24. URL: <https://history-metamorph.ru/s230861810020677-4-1/>. DOI: 10.37490/mh2022246 (дата обращения: 14.11.2023).

16. Кудрявцева Т. В., Хрусталева В. К. Судебный процесс в античности. СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия», 2022.

17. Ломачко О. М. Сократ и Христос: бытие к бессмертию (религиозно-этическое рассмотрение) // Образование в современном мире: сб. научных статей / Под ред. проф. Ю. Г. Голуба. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2013. С. 171–178.

18. Медведева Л. П. Ранняя лирика П. Ф. Якубовича // Ученые записки Саратовского государственного университета. 1957. Т. 56. Серия филологическая. С. 418–431.

19. Мочалова И. Н. Сократ как феномен русской культуры: от древнегреческого нравоведения к «русскому Сократу» // Международный журнал исследований культуры. 2018. № 3 (32). С. 25–36.

20. Мочалова И. Н. Алексей Введенский о Сократе и задачах философии // Русский логос-2: Модерн — границы контроля: Материалы международной философской конференции, Санкт-Петербург, 25–28 сентября 2019 г. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2019. С. 503–506.

21. Мочалова И. Н. Формирование отечественной историко-философской традиции. Феномен Сократа // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. 2019. Серия «Философия и конфликтология». Т. 35. № 1. С. 56–69.

22. Нартыев Н. Н. Поэзия П. Ф. Якубовича в журнале «Русское богатство» 1890-х годов // Вестник Волгоградского государственного университета. 2003–2004. Серия 8. Вып. 3. С. 87–94.

23. Нейлз Д. Люди Платона. Просопография Платона и других сократиков / Пер. с англ. А. В. Белоусова и др.; под общ. ред. А. И. Золотухиной. М.: Изд-во ГЛК Ю. А. Шичалина, 2019.

24. Нерсесянц В. С. Сократ. М.: Издат. группа ИНФРА-М–НОРМА, 1996.

25. Пантелеев А. Д. Сократ в христианских апологиях и мученичествах II–III вв. // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2011. Т. 12, вып. 4. С. 231–234.

26. Пантелеев А. Д. Сократ в раннехристианской агиографии (II–IV вв.) // Индоевропейское языкознание и классическая филология — XVII. Материалы чтений, посвященных памяти профессора И. М. Тронского, 24–26 июня 2013 г. Санкт-Петербург / Отв. ред. Н. Н. Казанский. СПб.: Изд-во «Наука», 2013. С. 668–679.
27. Платон. Критон / Пер. М. С. Соловьева // Платон. Собрание сочинений в 4 т. Т. 1 / Общ. ред. А. Ф. Лосева, В. Ф. Асмуса, А. А. Тахо-Годи. М.: Мысль, 1990. С. 97–111.
28. Платон. Федон / Пер. С. П. Маркиша // Платон. Собрание сочинений в 4 т. Т. 2 / Общ. ред. А. Ф. Лосева, В. Ф. Асмуса, А. А. Тахо-Годи. М.: Мысль, 1993. С. 7–80.
29. Попов И. И. Петр Филиппович Якубович. М.: Изд-во Всесоюз. общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1930.
30. П. Я. Стихотворения. Издание редакции журнала «Русское богатство». СПб.: Типо-Литография Б. М. Вольфа, 1898.
31. П. Я. Стихотворения. 5-е изд. Т. 1 (1878–1897). Редакция журнала «Русское богатство». СПб.: Типография Н. Н. Клобукова, 1902.
32. П. Я. (П. Якубович-Мельшин). Стихотворения. 6-е изд. Т. 1. СПб.: Книгоиздское т-во «Просвещение», 1910.
33. Рамшев М. Стихотворения. СПб.: Типография И. Н. Скороходова, 1887.
34. Редько А. Е. П. Я. и Мельшин // Русское богатство. 1911. № 4. С. 101–117.
35. Светлов Р. В. Сократ и «спартанский мираж» // Мнемон: Исследования и публикации по истории античного мира. 2011. Вып. 10. С. 363–374.
36. Светлов Р. В. Сократ в спартанском камуфляже // Логос: Философско-литературный журнал. 2012. № 6 (85). С. 16–28.
37. Светлов Р. В. Сократ — спартанец // Философия истории философии: обязательность и навязчивость исторического / Отв. ред. Е. В. Малышкин. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2012. С. 89–101.
38. Светлов Р. В. Философ и его соперники: учитель в древнем мире // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2013. Т. 14, вып. 2. С. 39–46.
39. Светлов Р. В. Сократ и исповедь // Verbum. Альманах Центра изучения средневековой культуры. Вып. 18: Исповедь и покаяние: у истоков формирования самосознания европейского индивида / Под ред. О. Э. Душина, К. А. Шморцаги. Псков: Изд-во Псков. ун-та, 2016. С. 29–33.
40. Светлов Р. В. Религия Сократа: был ли Сократ христианином до Христа? // Труды кафедры богословия Санкт-Петербургской Духовной академии. 2017. № 1. С. 67–73.
41. Светлов Р. В. Религия Сократа: был ли Сократ христианином до Христа? // Сократические школы как явление античной философии и культуры / Под общ. ред. Р. В. Светлова, Е. В. Альмовой. СПб.: Изд-во РХГА; МОО Платоновское философское общество, 2019. С. 186–195.
42. Седова Н. В. Сократ — величайший дохристианский учитель человечества и его идеи для русской педагогики // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2006. Т. 12. № 3. С. 215–218.
43. Симфония фрагментов: Д. Е. Луконин в документах, воспоминаниях, стихах, письмах, статьях и шутках своих друзей. Саратов: ГАУ ДПО «СОИРО», 2017.
44. Сеницын А. А. Две драмы Н. М. Кугушева о мудреце Сократе в журнале «Друг юношества и всяких лет» 1813 года (вступительный очерк, републикация текстов, комментарий) // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. Филологические науки. 2022. Т. 3, вып. 1. С. 78–137.
45. Сеницын А. А. Темы борьбы и жертвенности в поэзии П. Ф. Якубовича. Античные герои Прометей, Икар, Сократ // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. Филологические науки. 2022. Т. 3, вып. 3. С. 73–97.

46. Сеницын А. А. Две «прививки» образа эллинского мудреца Сократа в русской культуре // XXXI научная конференция «Универсум Платоновской мысли»: «Диалектика Платона: метод, норма, самопознание». Тезисы докладов. Санкт-Петербург, 22–23 июня 2023 г. СПб.: МОО «Платоновское философское общество», 2023. С. 199–206.

47. Сеницын А. А. Византия — Русь, Европа — Россия: два истока сведений об античных философах в русской литературе (образ Сократа) // Третья Международная научная конференция «Византия, Европа, Россия: социальные практики и взаимосвязь духовных традиций». 21–23 сентября 2023 г., Санкт-Петербург. Программа. СПб.: СИ РАН, 2023. С. 18–19. URL: https://docs.google.com/viewerng/viewer?url=http://socinst.ru/wp-content/uploads/base/events/text/bzeurus2023_prog_ru.pdf&hl (дата обращения: 21.10.2023).

48. Сеницын А. А. Византия — Русь, Европа — Россия: два истока сведений об античных философах в русской литературе (образ Сократа) // Византия, Европа, Россия: социальные практики и взаимосвязь духовных традиций. Вып. 3: сборник статей / Отв. ред. О. Н. Ноговицин; СИ ФНИСЦ РАН. СПб.: Изд-во РХГА, 2023. С. 302–324.

49. Сочинения Платона, переведенные с греческого и объясненные профессором [В. Н.] Карповым. Т. 1: Протагор. Эвтидем. Лахес. Хармид. Иппиас. Эвтифрон. Апология Сократа. Издание второе, испр. и доп. СПб.: В типографии духовного журнала «Странник», 1863.

50. Фролов Э. Д. Критий, сын Каллехра, афинянин, — софист и тиран // Фролов Э. Д. Парадоксы истории — парадоксы античности. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2004. С. 227–259.

51. Черняховская О. М. Маргинальный Сократ: теория К. И. Сотонина // Логос: Философско-литературный журнал. 2011. № 4 (83). С. 140–154.

52. Чиглинецв Е. А. Образ Сократа в российском медийном пространстве начала XXI в. // ΠΕΝΤΗΚΟΝΤΑΕΤΙΑ. Исследования по античной истории и культуре. Сборник, посвященный юбилею Игоря Евгеньевича Сурикова / Под ред. О. Л. Габелко, А. В. Махлаюка, А. А. Сеницына. СПб.: Изд-во РХГА, 2018. С. 331–337.

53. Якубович И. Д. П. Ф. Якубович. Л.: Лениздат, 1967.

54. Якубович П. Ф. Стихотворения / Вступит. статья, подгот. текста и примеч. Б. Н. Двинянинова. Библиотека поэта, большая серия. 2-е изд. Л.: Советский писатель, 1960.

55. Якубович П. Ф. В мире отверженных. Записки бывшего каторжника / Подгот. текста и примеч. И. Якубович, вступит. статья Б. Двинянинова. Т. 1. М.; Л.: Изд-во «Художественная литература», 1964.

56. Anderson M. Socrates as Hoplite // *Ancient Philosophy*. 2005. Vol. 25. No. 2. P. 273–289.

57. Fascher E. Sokrates und Christus. Beiträge zur Religionsgeschichte. Leipzig: Koehler & Amelang, 1959.

58. Monoson S. S. Socrates in Combat: Trauma and Resilience in Plato's Political Theory // *Combat Trauma and the Ancient Greeks* / Ed. by P. Meineck and D. Konstan. New York: Palgrave Macmillan, 2014. P. 131–162.

59. Monoson S. S. Socrates' Military Service // *Our Ancient Wars: Rethinking War through the Classics* / Ed. by V. Caston and S.-M. Weineck. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2016. P. 96–117.

60. Patzer A. Sokrates als Soldat. Geschichtlichkeit und Fiktion in der Sokratesüberlieferung // *Antike und Abendland: Beiträge zum Verständnis der Griechen und Römer und ihres Nachlebens*. 1999. Bd. 41. Hft. 1. S. 1–35.

61. Ross W. D. Archelaus (1) // *The Oxford Classical Dictionary*. 4th ed. / Ed. by S. Hornblower, A. Spawforth, E. Eidinow. Oxford: Oxford University Press, 2012. P. 138–139.

62. Stavru A. *Aristoxenus on Socrates // Socrates and the Socratic Dialogue* / Ed. by A. Stavru and C. Moore. Leiden; Boston: Brill, 2018. P. 623–664.
63. Thibodeau Ph. *The Chronology of the Early Greek Natural Philosophers*. North Haven, Connecticut, 2019. URL: <https://www.cosmographia.net/wp-content/uploads/2019/09/THE-CHRONOLOGY-OF-THE-EARLY-GREEK-NATURAL-PHILOSOPHERS.pdf> (дата обращения: 17.11.2023).
64. Woodbury L. *Socrates and Archelaus // Phoenix*. 1971. Vol. 25. No. 4. P. 299–309.